

С любимыми не расставайтесь

Книги Володина в Москве купить очень трудно. Когда-тошний недолгий столичный житель (угол Первой Мещанской), он давно и прочно прирос к Питеру, стал не то, чтобы его собственностью, но, во всяком случае, предметом тихой невской гордости. В Москве драматургов много: есть старые именитые титаны и зубры, давно ничего не пишущие, но свято хранящие память о своей былой популярности; есть молодая поросль, которая при ближайшем рассмотрении уже весьма не молода, но полна трудового энтузиазма и берет количественными показателями, не гоняся за качеством; среди молодых соответственно есть модные — в основном дамы, многообещающие — как правило, суровые мужчины, прибывшие покорять московскую сцену из глубокой провинции, и сумасшедшие — их больше всех прочих, завлечти стонут под горами макулатуры... Не хватает кого-то одного, самого главного, пусть и самого тихого. Нечем, вернее, нечем ответить питерцам, когда те со свойственной им затененной язвительностью говорят: «Наш Володин...».

Книги Володина, повторяю, купить в Москве практически невозможно. В прошлом году, у книжного лотка в фойе БДТ мы, несколько «приезжих», с горящими глазами жадно расхватывали володинский двухтомник, очень бедный с точки зрения полиграфии и совершенно бесценный, поскольку володинский. Местные жители не торопились следовать нашему примеру. А куда им торопиться, у них же есть Володин. Володин у них уже есть.

Володину завтра восемьдесят, он старше многих драматургов, которых уже давно не ставят, и многих, чьи имена уже смутно припоминаются, однако «Пять вечеров» после недолгого перерыва вернулись на столичную сцену, «С любимыми не расставайтесь» тоже возвращаются, пока на провинциальную, «Осенний марафон» бесконечно крутится телевидением, со «Старшей сестрой» та же история, «Фокусник» крутится редко, но по-прежнему прелестен, «Назначение» ничего не потеряло от перемены времени... Володин вообще не теряет, может быть, оттого что нака-

пливает свои богатства не на земле, где их, как известно, раздают мол и ржавчина. Все свое он хранит в себе.

Александр Моисеевич Володин проходит не то что мимо времени, но вроде как по касательной, он Че-

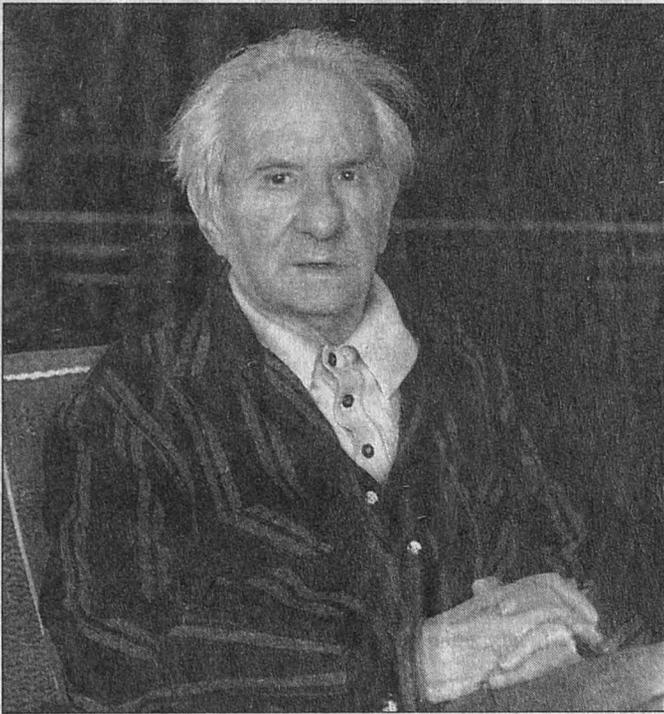
к нему в руки, потому что Володин ни с кем не спорит, ни на чей счет не ехидничает, ни о ком не отзываться зло. Как в пьесах его, так и в автобиографических «Записках нетрезвого человека» нет людей хороших и плохих. Есть хорошие и

обобщения не может претендовать на причастность к искусству. Володин велозло на режиссеров, опять-таки по причине того, что хороший человек не пропадет и обязательно встретит другого хорошего человека. И Товстоногов, и Михалков, и Дanelия, и Тодоровский, и Климов, и Митта поняли притчевую сущность володинской литературы. Он всегда обобщает, и поэтому все его вещи — об одном и том же. «Мать Иисуса» отличается от «Похождений зубного врача» самой малостью — местом и временем действия и именами персонажей... Да что там рассказывать, читайте Володина, постарайтесь купить его книги, хоть это и нелегко, не расставайтесь с ним.

Володин верует. Верует тихо, радостно, глубоко, торжественно и беспасфосно. У него человек настолько близок, если не к Создателю, так к Изначальному Замыслу, что, кажется, до счастья и света осталось шаг ступить. Другое дело, что шаг этот труден до полной непреодолимости, и ты, сорвавшись, стремительно летишь вниз, и Володин скорбит о тебе и о себе и достает из холодильника прозрачную поллитровку...

Володин один во многих лицах. Общеизвестна его патологическая скромность, однако нельзя не оценить и непрошибаемое упорство. Говорят, он застенчив и закомплексован, а люди, которым довелось побывать с ним в одной компании, твердят о человеке-празднике. Он изумительно чист, обаятельно грешен, наивен, как ребенок, и по-патриаршья мудр. С первого взгляда прост, со второго — вдруг и неохватно сложен, с третьего, если повезет, — снова и окончательно прост, но уже совсем по-другому.

... Пару лет назад в ответ на небольшую заметку о книжечке володинских стихов, выпущенной опять же в Питере, я неожиданно получила письмо с обратным адресом «С.-Петербург, Б. Пушкинская... Володин А.М.». Десяток ласковых строчек, выведенных черной шариковой ручкой. «Обычно письма с благодарностью поневоле носят несколько банальный характер...» Александр Моисеевич, поздравительные тексты грешат тем же недостатком. Простите, и с юбилеем вас.

Завтра Александру Моисеевичу Володину исполнится 80 лет.

ловек с Обочины, тихо думающий свою думу вдали от пыльного боушакса. Когда уляжется пыль, его можно будет застать на прежнем месте.

Александр Моисеевич Лифшиц, фронтвик, поменявший по совету опытных людей настоящую фамилию на безупречный с точки зрения пятого пункта псевдоним, производный от имени старшего сына, отдал кесарю кесарево, а себе оставил крохотные, но дорогие сердцу привилегии: пить с приятными людьми, никогда не пить с противными, любить женщин, жить по своему уставу и писать, как пишется.

Александру Моисеевичу Володину, к сожалению, вряд ли придет по душе этот текст, если попадет

несчастные. После Чехова и, наверное, Платонова никто из русских писателей не жалел людей так, как Володин. Своих и чужих, но своих все-таки больше. Хороших и плохих, причем плохих больше. Плохому всегда плохо, даже если пока хорошо. Хорошему всегда хорошо, даже когда очень плохо. Хороший человек не пропадет. Плохой рассеется без остатка, уйдет в небытие, так ничего и не поняв.

Екатерина Фурцева когда-то сказала Александру Володину: «Вы обобщаете. В искусстве никогда не надо обобщать». Екатерина Алексеевна была министром культуры, и, может быть, даже культурным министром, но об искусстве, вероятно, имела туманное представление. Потому что не доведенное до